
УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

УДК 343.195.6

ИСТИННОСТЬ ПРИГОВОРА СУДА

В. Н. БИБИЛО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Целью доказывания в уголовном процессе является установление истины. Необходимо различать два вида истины: материальную и формальную. Материальная (объективно-субъективная) истина устанавливается путем доказывания. Формальная истина предполагает использование заранее определенных условий, правил, технических норм, презумпций, преюдиций. Сочетание материальной и формальной истин формирует истину юридическую. Истинность приговора суда определяется наличием юридической истины.

Ключевые слова: уголовный процесс; суд; познание; доказывание; приговор; истина; аргументация.

TRUTH OF THE COURT SENTENCE

V. N. BIBILO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The purpose of proof in criminal proceedings is to establish the truth. It is necessary to distinguish between two types of truth: substantive and formal. The substantive (objective-subjective) truth is established through proof. The formal truth lies

Образец цитирования:

Бибилло В.Н. Истинность приговора суда. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2020;2: 49–55.

For citation:

Bibilo VN. Truth of the court sentence. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2020;2:49–55. Russian.

Автор:

Валентина Николаевна Бибилло – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета.

Author:

Valentina N. Bibilo, doctor of science (law,) full professor; professor at the department of criminal procedure and directorate of public prosecutions, faculty of law.
zagorovskaja@bsu.by

in the use of predefined conditions, rules, technical standards, presumptions, prejudices. The combination of substantive and formal truth constitutes the legal truth. The truth of the court sentence is determined by the presence of legal truth.

Keywords: criminal proceeding; court; cognition; proof; sentence; truth; argumentation.

Судебный приговор – это решение, вынесенное судом первой инстанции по вопросу о виновности или невиновности обвиняемого с применением или неприменением к нему наказания и по другим вопросам, подлежащим разрешению. В приведенной дефиниции содержатся основные признаки приговора как акта правосудия по уголовным делам: его судоустройственный и судопроизводственный аспекты. Судоустройственный – поскольку согласно современному белорусскому уголовно-процессуальному законодательству только суду первой инстанции принадлежит право выносить судебный акт под названием «Приговор». Судопроизводственный аспект необходимо связывать с фактом взаимодействия уголовного и уголовно-процессуального права. В этом смысле приговору принадлежит своего рода оформительская роль, суть ее заключается в том, что применение норм уголовного права состоялось и это зафиксировано в приговоре. Не следует забывать, что своеобразной средой применения уголовного права служит уголовный процесс в целом с учетом, конечно, уровня его развития [1, с. 380].

Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК) Республики Беларусь 1999 г. предъявляет к приговору требования законности, обоснованности, мотивированности и справедливости (ст. 350). Но будет ли наличие этих качеств говорить об истинности приговора суда?

Дискуссии по проблемам установления истины в уголовном процессе никогда не прекращались. На современном этапе развития уголовного процесса они оживились в связи с использованием сокращенного порядка судебного следствия, введением досудебного соглашения о сотрудничестве, обсуждением возможности применения медиации и т. п.

Представления об истине начали складываться еще в античное время. Согласно учению античных мыслителей внешняя действительность существует до ее познания и не зависит от наличия или отсутствия знаний о ней. Понятия «истина» и «бытие» не совпадают, поскольку истина относится к суждению разума о предмете и выражается в речи. Главное, чтобы суждение соответствовало предметам, какие они есть на самом деле. Платон сформулировал понятие истины следующим образом: «Тот, кто говорит о вещах в соответствии с тем, каковы они есть, говорит истину, тот же, кто говорит о них иначе, – лжет» [2, с. 417]. Ту же мысль высказывал Аристотель: «Говорить, что сущее есть, а несущее не есть, – значит говорить истинное» [3, с. 141].

Заложенные в античное время идеи об истине стали классическими. Они оказались живучи, и без

преувеличения можно сказать, что с учетом некоторых уточнений стали превалирующими, в том числе и в современной науке. Важно, что понятие истины связывается именно со знанием об объектах материального мира, а не с самими реальными объектами. Как отмечал Г. В. Ф. Гегель, «истина есть соответствие мышления предмету, и для того чтобы создать такое соответствие, ибо само по себе оно не дано как нечто наличное, – мышление должно подчиняться предмету, сообразовываться с ним» [4, с. 25].

Возникновение марксизма, объединившего материализм и диалектику, привело к формированию нового мировоззрения, повлиявшего на представления об истине и ее познании: человек как субъект способен познать объект, но не весь, а только его стороны, свойства, отношения, связанные с целью познания, с разрешением конкретных практических задач. В основе теории познания диалектического материализма лежит теория отражения, сущность которой сводится к тому, что отображение в сознании человека соответствующих явлений происходит с учетом творческой активности индивида и проявляется в двух формах: чувственном восприятии и логическом мышлении. Осуществление познания, отмечал В. И. Ленин, происходит от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике [5, с. 152–153].

В современной науке предлагаются такие теории истины, как когерентная (согласования), прагматическая (практическая), семантическая (логическая), аксиологическая (ценностная) и др. Оценивая их, В. М. Бозров пишет, что по вопросу о характере истины мозаика точек зрения современных ученых «представляет собой не более чем блеклый вторичный продукт философских дуэлей грандов прошлого... с проекцией на современный уголовный процесс» [6, с. 33–34]. И все же внедрение цифровых технологий во все сферы жизни общества, детальное правовое регулирование взаимоотношений между людьми формируют, как отмечает Н. В. Сильченко, «особый технический тип социального регулирования» [7, с. 49], что неизбежно приведет к переосмыслению возможностей человека. В этих условиях будет меняться сам облик уголовного процесса и, главное, его ядро – доказательственное право. Тем не менее вопросы об истине, ее характере и способах получения не будут сняты с повестки дня, иначе утратится сам смысл производства по уголовному делу с далеко идущими последствиями, начиная от создания параллельных уголовному процессу процедур до полного переложения на потерпевшего усилий по установлению

фактов прошлого, т. е. к возвращению обвинительного процесса – того исходного, из чего начал развиваться современный уголовный процесс.

В философском смысле истина – это «адекватное отражение объекта познания субъектом, воспроизведение его так, как он существует сам по себе, вне и независимо от человека и его сознания» [8, с. 230].

Установление истины в уголовном процессе имеет свои особенности, поскольку преступление – это событие прошлого, которое необходимо восстановить по следам, оставленным на объектах материального мира и в сознании человека. Возможность реконструкции преступления объясняется уникальной способностью человека преодолевать однонаправленность времени, осуществлять его инверсию (возврат). Деятельность человека по отражению объективной реальности и есть знание, получаемое как чувственным, так и мыслительным (логическим) путем. Познание может быть ретроспективным, когда возникает необходимость установления фактов прошлого, либо перспективным, необходимым для обеспечения опережающего отражения действительности. В сфере уголовного процесса используются оба направления [9, с. 318–333].

Гносеология (теория познания) – учение, объясняющее процесс отражения и воспроизведения действительности в мышлении субъекта, результатом которого является новое знание о мире либо сам результат этого процесса, т. е. полученные знания. Познание – универсальное философское понятие, используемое в различных сферах освоения закономерностей объективного мира, в том числе и в сфере уголовного процесса.

В юридической науке нет единого мнения о том, каким термином определить познавательную деятельность при расследовании и рассмотрении уголовных дел – «познание» либо «доказывание» – и применять ли оба эти понятия, дифференцируя соотношение между ними. В уголовно-процессуальном законодательстве всегда использовалось понятие «доказывание».

Пожалуй, самым распространенным является мнение, что доказывание – разновидность познания. Так, М. М. Михеенко отмечал: «Когда мы говорим о гносеологической сущности уголовно-процессуального доказывания как особой разновидности познания действительности, мы должны ставить знак равенства, идентичности между доказыванием и познанием» [10, с. 8]. Конечно, доказывание в уголовном процессе по сравнению с познанием вообще (исходными возможностями человека изучать объективный мир), а также познанием в конкретных сферах деятельности (например, медицине, астрономии, географии и т. п.) имеет свою специфику. В УПК определен пред-

мет доказывания, его субъекты, сроки, процедура и др.

Доказывание в уголовном процессе предполагает удостоверение (фиксацию) деятельности в соответствующих уголовно-процессуальных документах. Для разных сфер познания существуют свои особенности удостоверения (фиксации) хода и результатов человеческой деятельности (схемы, таблицы, цифры, формулы и т. п.).

Вместе с тем в юридической науке наметилась тенденция дифференциации познания и доказывания. Некоторые авторы в доказывании усматривают лишь обосновывающий аспект. С резкой критикой отождествления познания и доказывания выступила В. А. Лазарева: «Представление о доказывании как деятельности по обоснованию какого-либо тезиса соответствует состязательному процессу судопроизводства, позволяет четко распределить процессуальные функции между участниками судебного разбирательства, обеспечить объективность и беспристрастность суда» [11, с. 42]. Еще более обстоятельно и определенно в данном направлении излагает свою позицию Е. А. Карякин, который полагает, что деятельность субъектов доказывания в судебном разбирательстве состоит в понимании сути проблемы, разъяснении своих позиций по делу, аргументации приведенных доводов, обосновании предложенного решения, убеждении субъектов в своей правоте [12, с. 60–61]. Сторонники этой точки зрения не учитывают, что доказывание и аргументация – не совпадающие явления. Доказывание направлено на установление обстоятельств совершенного преступления, т. е. того, что имело место в действительности. При этом добытые доказательства и установленные факты служат участникам уголовного процесса основой для аргументации. Исходя из их статуса, они могут выбрать из этой совокупности добытых доказательств и установленных фактов приемлемые для убеждения в своей позиции [1, с. 416]. В этом смысле доказывание объективно, а аргументация субъективна.

Целью доказывания (познания) является установление истины. Философский термин «истина» использовался в ряде статей УПК БССР 1960 г., а объективная истина провозглашалась в качестве принципа уголовного процесса. Современный УПК Республики Беларусь об этом принципе не упоминает, что, конечно, не свидетельствует об отсутствии стремления у органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс, к установлению истины по уголовному делу.

Поиски истины начинаются, как правило, с вероятностных знаний. При этом вероятность становится исходным в постижении достоверности как объективной истины. Степень доказанности обстоятельств совершенного преступления от стадии к стадии увеличивается. Началом же формирова-

ния и оформления доказательств является возбуждение уголовного дела, т. е. получение сообщения о преступлении. В приговоре суда фиксируется факт истины (превращение вероятности в достоверность).

Доказывание в уголовном судопроизводстве следует рассматривать как сложный и многоэтапный процесс, состоящий из получения знаний прежде всего гносеологическим путем, что приводит или, точнее, приближает к установлению объективной истины. По определению П. В. Копнина, познавательный образ – не знак, не символ, не иероглиф, носящий условный характер, а отображение, копия, снимок с объекта [13, с. 106].

Наряду с понятием «объективная истина» в русской юридической литературе второй половины XIX – начала XX в., а также в советской использовалось понятие «материальная истина». По значению они идентичны, разница лишь в том, что «объективная истина» – философский термин, а в понятие «материальная истина» стали вкладывать юридический смысл. Так, М. С. Строгович – основатель советского учения о материальной истине в уголовном процессе – под объективной (материальной) истиной понимал «точное и полное соответствие объективной действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах расследуемого и разрешаемого судом дела, о виновности или невинности привлеченных к уголовной ответственности лиц» [14, с. 132]. В современной юридической литературе преобладает использование термина «объективная истина». Тем не менее смысловой потенциал понятия «материальная истина» не исчерпан.

Установление объективной истины в уголовном процессе с учетом специфики доказывания (познания) обстоятельств преступления обретает юридические черты. Некоторые авторы отрицают наличие объективной истины, полагая, что основополагающее значение имеет субъективная истина. Например, А. В. Гриненко пишет: «Истина сама по себе, являясь продуктом умственной деятельности, не может быть объективной, как не может быть объективным любое отражение предмета взамен самого предмета» [15, с. 185].

Следует отметить, что как явление субъективная истина также существует, но не сама по себе: она как бы наслаивается на объективную истину. В сфере уголовного процесса важное значение имеет усмотрение правоприменителя, допустимость доказательств, пределы доказывания, внутреннее убеждение судей, что выдвигает субъективную истину на передний план. Оказывается, что в уголовном процессе формируется объективно-субъективная истина, являющаяся результатом гносеологических поисков, в ходе которых используются все познавательные средства. При этом оперативно-розыскная деятельность, хотя она и носит по-

знавательный характер, должна быть проверена уголовно-процессуальным путем.

Объективно-субъективную истину можно рассматривать как соотношение формы и содержания: по форме истина субъективна, поскольку она является свойством человеческого знания, а по содержанию объективна, так как обусловлена материальным миром, отображающимся в сознании человека. В связи с этим в сфере уголовного процесса для отграничения данного аспекта от других желательно использовать понятие «материальная истина».

Таким образом, гносеологические поиски в уголовном процессе ведут к формированию объективно-субъективной (материальной) истины как цели доказывания.

По вопросу о характере материальной (объективно-субъективной) истины, получаемой гносеологическим путем, сформировалось несколько направлений: 1) истину в уголовном процессе установить невозможно, достаточно ограничиться высокой степенью вероятности установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания; 2) по уголовному делу должна достигаться только абсолютная истина; 3) по уголовному делу можно установить только относительную истину; 4) в уголовном процессе достигаются одновременно и абсолютная, и относительная истины; 5) по одним обстоятельствам дела достигается только относительная истина, а по другим – абсолютная.

Использование современных научно-технических средств ускоряет процесс доказывания и дает возможность более точно установить обстоятельства преступления. Но, как правильно отмечал Ю. К. Якимович, в уголовном процессе истина ограждена рамками предмета доказывания: «Все, что не входит в предмет доказывания, устанавливать не только не нужно, но и запрещено УПК» [16, с. 6]. Полученная информация о преступлении подлежит верификации – проверке способами, определенными в УПК. Подтверждение этой информации будет свидетельствовать о достоверности доказательств. Достоверность доказательств – процессуальная сторона материальной истины в уголовном процессе [1, с. 329].

Уголовному процессу присуща также формальная истина, суть которой состоит в том, что истинность знаний определяется не путем познания (доказывания), а как результат заранее установленных условий (например, наличие определенного документа, устанавливающего факт). Причем формальная истина может быть абсолютной, т. е. полной, не требующей проверки в силу прямого указания в законе, и относительной, частичной, когда априори истинных посылок для вывода не существует. Следует отметить, что формальной истины в чистом виде в современном уголовном

процессе не существует. Его магистральной линией является свободная оценка доказательств, исходящая из внутреннего убеждения правоприменителя. В конечном счете и преюдицию также можно опровергнуть путем подключения проверочных стадий уголовного, а при необходимости и гражданского процесса. Что касается заключения эксперта, где могут содержаться в том числе и математические расчеты, формальная истина носит лишь частичный характер, поскольку, согласно ч. 2 ст. 95 УПК, «заключение эксперта не является обязательным для органов уголовного преследования и суда, однако несогласие их с заключением должно быть ими мотивировано». Для современного научно-технического прогресса характерно наличие искусственно созданных объектов, например артикула товара, правил ведения документации и т. п. Однако их возникновению всегда предшествуют знания, касающиеся материального мира, поэтому упомянутые объекты также можно в конечном счете отнести к формальной истине.

Уголовный процесс не обходится без правовой оценки содеянного, т. е. его квалификации, и назначенной судом меры уголовной ответственности. В данном случае формальной истиной будет являться наличие документа – приговора суда.

Констатация формальной истины в уголовном процессе происходит процессуальным путем и предполагает наличие исходного документа, являющегося основой для создания отдельного процессуального документа либо фиксации соответствующего решения в итоговом процессуальном акте.

В пределах формальной истины могут существовать такие ее виды, как конвенциональная истина (например, досудебное соглашение подозреваемого или обвиняемого о сотрудничестве), процессуальная истина (установление истины во вступившем в законную силу приговоре) и др.

Сочетание в уголовном процессе материальной (объективно-субъективной) истины, установленной путем гносеологических поисков, и формальной истины позволяет объединить их общим термином «юридическая истина». Названный термин обладает преимуществом по сравнению с понятием «правовая истина», поскольку суд кроме правовых норм применяет в процессе своего усмотрения также иные социальные нормы, которые проходят через сознание судей. Индивидуальное право субъекта устанавливается в том числе благодаря и им [17, с. 134–135].

Что же входит в содержание юридической истины: только фактические обстоятельства совершенного преступления либо также квалификация преступления и решение суда о мере уголовного наказания?

Бесспорным является то, что в содержание юридической истины входит выяснение обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Их получают, как правило, гносеологическим путем, но не исключено применение презумпций, преюдиций, технических норм и правил, заранее установленных в законодательстве либо относящихся к условным сведениям, составляющим формальную истину и служащим, как пишет С. Б. Россинский, «своеобразной гносеологической альтернативой, когда в сведениях, составляющих объективную истину, имеются существенные пробелы или когда такие сведения вообще не подлежат установлению в силу прямого указания в законе» [18, с. 107]. Материальная и формальная истина образуют единое целое, а не какие-то сменяющие друг друга этапы. При расследовании и рассмотрении большинства уголовных дел невозможно обойтись без формальной истины. Более того, в перспективе ее значение будет возрастать в связи с технологизацией общественных отношений и использованием искусственного интеллекта в различных сферах жизнедеятельности людей.

Признаки общественно опасного деяния в обобщенном виде изложены в уголовном законе и являются ориентиром в доказывании обстоятельств совершенного преступления, т. е. образуют предмет доказывания. Без них установление фактических обстоятельств содеянного утратило бы свою направленность. К тому же некоторые действия либо бездействие могут свидетельствовать вообще об отсутствии состава преступления. В связи с этим квалификация преступления также входит в содержание истины. Безусловно, общественно-политическая оценка содеянного может меняться сообразно уровню развития общества, фактические же обстоятельства дела остаются неизменными, но правовая квалификация является той формализованной оценкой, без которой установление обстоятельств дела утратило бы аксиологический акцент.

Мера уголовного наказания является продолжением и результатом квалификации преступления, поэтому также входит в содержание истины. Существует мнение, что вывод суда о мере наказания не относится к содержанию истины. Так, М. А. Чайковская отмечает: «Решение суда о назначении той или иной меры наказания является волевым актом, приказом, а не актом познания. Поэтому можно говорить об эффективности или неэффективности избрания меры наказания, ее справедливости или несправедливости, но только не об истинности этого акта» [19, с. 43]. Указанный автор не учитывает, что поскольку во вступившем в законную силу приговоре презюмируется его истинность, то содержащиеся в нем решения можно использовать в качестве преюдициальных. Это означает, что они могут служить основой для формальной истины.

Установление юридической истины (материальной и формальной) открывает возможность к ее процессуальному оформлению в виде положений, касающихся законности, обоснованности, мотивированности и справедливости приговора – требований, которые предъявляет ст. 350 УПК Республики Беларусь к приговору. Именно через эти внешние атрибуты можно оценить истинность приговора суда.

Библиографические ссылки

1. Бибило ВН. *Теория и история права, судостроительства и уголовного процесса*. Минск: Право и экономика; 2020. 510 с.
2. Платон. *Сочинения. Том 1*. Москва: Мысль; 1968. 621 с.
3. Аристотель. *Сочинения. Том 1*. Москва: Мысль; 1975. 550 с.
4. Гегель ГВФ. *Наука логики*. Москва: Мысль; 1998. 1067 с.
5. Ленин ВИ. Материализм и эмпириокритицизм. В: Ленин ВИ. *Полное собрание сочинений. Том 18*. Москва: Политическая литература; 1973. 384 с.
6. Бозров ВМ. Истина в уголовном процессе: pro et contra. *Библиотека криминалиста*. 2012;4(5):33–39.
7. Сильченко НВ. Технический тип социального регулирования: понятие, элементы и место в системе социального регулирования. *Ленинградский юридический журнал*. 2019;3(57):47–56.
8. Аверинцев СС. *Философский энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия; 1989. 815 с.
9. Бибило ВН. Понятие доказывания в уголовном процессе. В: Бибило ВН, редактор. *Право и демократия. Выпуск 24*. Минск: БГУ; 2013. с. 318–333.
10. Михеенко ММ. *Доказывание в советском уголовном судопроизводстве*. Киев: Вища школа; 1984. 134 с.
11. Лазарева ВА. *Доказывание в уголовном процессе*. Москва: Высшее образование; 2009. 343 с.
12. Карякин ЕА. *Формирование истинности приговора в состязательном судебном производстве: вопросы теории и практики*. Москва: Юрлитинформ; 2007. 224 с.
13. Копнин ПВ. *Гносеологические и логические основы науки*. Москва: Мысль; 1974. 568 с.
14. Строгович МС. *Курс советского уголовного процесса. Том 1*. Москва: Наука; 1968. 470 с.
15. Гриненко АВ. Система принципов и цель производства по уголовному делу. *Правоведение*. 2000;6:179–192.
16. Якимович ЮК. *Доказательства и доказывание в уголовном процессе*. Томск: Издательство Томского университета; 2015. 80 с.
17. Бибило ВН. Гносеологические и процессуальные поиски юридической истины в уголовном процессе. В: Савчук ТА, редактор. *Деятельность правоохранительных органов на современном этапе: наука, образование, практика. Материалы научно-практического семинара; 15 февраля 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь; 2020. с. 133–135.
18. Россинский СБ. Актуальные вопросы доказывания в состязательном уголовном судопроизводстве. В: Масленникова ЛН, редактор. *Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве*. Москва: Норм; 2019. с. 90–129.
19. Чайковская МА. *Свойства приговора*. Москва: Проспект; 2013. 176 с.

References

1. Bibilo VN. *Teoriya i istoriya prava, sudoustroistva i ugovnogo protsessa* [Theory and history of law, judicial system and criminal process]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2020. 510 p. Russian.
2. Platon. *Sochineniya. Tom 1* [Works. Volume 1]. Moscow: Mysl'; 1968. 621 p. Russian.
3. Aristotel'. *Sochineniya. Tom 1* [Works. Volume 1]. Moscow: Mysl'; 1975. 550 p. Russian.
4. Hegel GVF. *Nauka logiki* [The science of logic]. Moscow: Mysl'; 1998. 1067 p. Russian.
5. Lenin VI. [Materialism and empirio-criticism]. In: Lenin VI. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 18* [Full composition of writings. Volume 18]. Moscow: Politicheskaya literatura; 1973. 384 p. Russian.
6. Bozrov VM. Truth in the criminal process: pro et contra. *Biblioteka kriminalista*. 2012;4(5):33–39. Russian.
7. Silchenko NV. [Technical type of social regulation: concept, elements and place in the system of social regulation]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal*. 2019;3(57):47–56. Russian.
8. Averintsev SS, editor. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1989. 815 p. Russian.
9. Bibilo VN. [The concept of proof in the criminal procedure]. In: Bibilo VN, editor. *Pravo i demokratiya. Vypusk 24* [Law and democracy. Issue 24]. Minsk: Belarusian State University; 2013. p. 318–333. Russian.
10. Mikheenko MM. *Dokazyvanie v sovetskom ugovnom sudoproizvodstve* [Proof in Soviet criminal proceedings]. Kyiv: Vishha shkola; 1984. 134 p. Russian.
11. Lazareva VA. *Dokazyvanie v ugovnom protsesse* [Proof in criminal proceedings]. Moscow: Vysshee obrazovanie; 2009. 343 p. Russian.
12. Karyakin EA. *Formirovanie istinnosti prigovora v sostyazatel'nom sudebnom proizvodstve: voprosy teorii i praktiki* [Formation of the truth of the verdict in adversarial judicial proceedings: questions of theory and practice]. Moscow: Yurлитinform; 2007. 224 p. Russian.
13. Kopnin PV. *Gnoseologicheskie i logicheskie osnovy nauki* [Epistemological and logical foundations of science]. Moscow: Mysl'; 1974. 568 p. Russian.
14. Strogovich MS. *Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa. Tom 1* [Course in Soviet criminal proceedings. Volume. 1]. Moscow: Nauka; 1968. 470 p. Russian.

15. Grinenko AV. [The system of principles and the purpose of criminal proceedings]. *Pravovedenie*. 2000;6:179–192. Russian.
16. Yakimovich YuK. *Dokazatel'stva i dokazyvanie v ugovnom protsesse* [Proof in criminal proceedings]. Tomsk: Publishing House of the Tomsk University; 2015. 80 p. Russian.
17. Bibilo VN. [Epistemological and procedural searches for legal truth in the criminal process]. In: Savchuk TA, editor. *Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov na sovremennom etape: nauka, obrazovanie, praktika. Materialy nauchno-prakticheskogo seminara; 15 fevralya 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Activities of law enforcement agencies at the present stage: science, education, practice. Materials of scientific and practical seminar; 19 February 2019; Minsk, Belarus]. Minsk: Academy of Public Administration under of the President of the Republic of Belarus; 2020. p. 133–135. Russian.
18. Rossinskii SB. [Actual issues of evidence in adversarial criminal proceedings]. In: Maslennikova LN, editor. *Dokazyvanie i prinyatie reshenii v sostyazatel'nom ugovnom sudoproizvodstve* [Proving and decision-making in adversarial criminal proceedings]. Moscow: Norma; 2019. p. 90–129. Russian.
19. Chaikovskaya MA. *Svoistva prigovora* [Characteristics of the judgement]. Moscow: Prospekt; 2013. 176 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.05.2020.
Received by editorial board 20.05.2020.